

Матушка Лю вздохнула: — Эх! Чиновники затевают игры, а расплачиваться за это приходится нашей благородной госпожой-воительницей, что нас защищала. Вот же уродливая круговерть причин и следствий!

Заметив, что матушка Лю разошлась не на шутку и готова продолжать разговор, Е Саньнян проявила чуткость, поднялась с места и обратилась к Цин Мянью: — Не буду утомлять барышень и матушку Лю. Саньнян пока пойдет соберёт свои нехитрые пожитки, а как матушка Лю будет свободна — вместе отправимся к маклеру переоформлять контракт.

Когда Саньнян ушла, матушка Лю доложила о недавних приходно-расходных книгах лавки и мастерской, а также о продвижении работ, после чего тоже собралась уводить вторую барышню, Цзинь Сю, чтобы дать больной возможность спокойно отдохнуть.

— Матушка Лю, — голос Цин Мянью звучал слабо, но тональность была исполнена суровой решимости. — Завтра мне нужно сходить почтить память маркиза Цинь. В былые дни на севере мы с батюшкой потерялись в суматохе, столкнулись с отрядом хусцев и едва не погибли. Меня тогда спасли женщины-воительницы из армии маркиза Цинь.

Матушка Лю ахнула: — И такое было?

— Да. Батюшка со мной тогда помалкивали, чтобы не волновать матушку и тебя.

Матушка Лю ударила себя в грудь: — Ну раз так, в первую седмицу по уходе в мир иной обязательно нужно сходить на поминки! Я сей же час пойду куплю благовоний, свечей да сластей, а завтра сопровожу тебя.

Цин Мянью покачала рукой: — Не нужно. Я доберусь на лодке, потом пересяду на мула, с чего мне уставать? К тому же буду ехать не спеша, заодно присмотрюсь, какие фасоны и узоры нынче носят женщины. А ты оставайся в лавке. Если этот староста гильдии снова начнет совать свой нос куда не следует, послушай, какую чушь он несет.

Матушка Лю улыбнулась.

Староста столичных ювелиров в Иньтяньфу и впрямь был тем еще подлым крысенышем, который не упускал случая притеснить слабых коллег.

Судя по тому, какими словами барышня отозвалась о старосте, ее простодушный и мягкий нрав и впрямь изрядно увял.

Когда матушка Лю и ее младшая сестра Цзинь Сю ушли, Цин Мянью прилегла и устремила взгляд на небогатую, но чистую и со вкусом обставленную утварь дома семьи Цинь.

Е Саньнян говорила, что в семье Мао нет дворовых слуг?

Цин Мянью холодно усмехнулась про себя:

Настоящих слуг там, может, и не было, а вот ряженных — хоть отбавляй.

Цин Мянью отчетливо помнила тот день, когда вместе с Цинь Фан они переступили порог особняка Мао. Сначала в передней их принимали супруга министра Мао и старший сын Мао Чжэн. Они угощали их прохладительными напитками, а затем служанка доложила, что министр Мао вернулся со службы, переодевается, и скоро можно будет подавать угощение.

Тогда госпожа Мао с сыном проводили Цинь Фан и Цин Мянью к беседке над водой.

Стоило им миновать круглую лунную арку, как Цин Мянью увидела шествующую рядом с молодым госпожой Мао Цинь Фан: та вдруг качнулась, инстинктивно ухватила за короткий нож на поясе и, уставившись на выстроившихся впереди людей, рявкнула: — Вы вовсе не слуги этого поместья!

Рука Цин Мянью опередила мысли — почти одновременно с Цинь Фан она отреагировала движением на замах клинка.

Однако Цинь Фан тревожно и резко бросила: — А-Мянью, живо на дерево, перебирайся через стену!

Но Цинь Фан успела выкрикнуть лишь это. Не успела она даже скрестить клинки с противником, как оступилась и рухнула на землю.

Падая, она все еще отчаянно взмахивала рукой назад, сиюсь оттолкнуть Цин Мянью к старому дереву во дворе.

Но всё произошло слишком быстро. Цин Мянью не успела подчиниться приказу и отскочить, как из-за лунной арки кто-то бросился в атаку.

Острый клинок мгновенно перерезал Цин Мянью горло.

Жгучая боль захлестнула вместе с волной удушья. Когда она из последних сил попыталась сделать пару вдохов, голос Цинь Фан уже стих — раздавался лишь один мужской голос, звучавший куда более зрело и весомо, чем голос молодого господина Мао.

— Через две палочки благовоний поднимите крик, что появились убийцы.

Это, должно быть, и был министр Мао — Мао Цзянь.

Цин Мянью мысленно прокрутила те события еще раз и, сопоставив всю информацию, полученную от Преисподней до возвращения в мир живых, погрузилась в тихие раздумья.

Цинь Фан шла впереди, и обзор у нее был отличный.

Пожалуй, благодаря многолетнему боевому опыту и развитой чуткости, по мельчайшим деталям в поведении фальшивых слуг Цинь Фан распознала неладное. Она мгновенно поняла, что в особняке Мао творится что-то неладное, и, охваченная шоком, даже не стала тратить время на расспросы молодого господина Мао, а сразу приказала Цин Мянью бежать.

Но следом за этим Цинь Фан потеряла сознание и рухнула на землю — очевидно, в прохладительном чае в особняке Мао содержалось снадобье.

Сама же Цин Мянью отнюдь не была отравлена — ей просто перерезали горло. Быть может, во-первых, потому, что в поместье опасались, как бы действие яда у Цин Мянью не проявилось раньше, заставив Цинь Фан спохватиться и изменить ход событий; а во-вторых, устроителям заговора требовался второстепенный персонаж с бросающейся в глаза смертельной раной.

Мао Цзянь и два поколения семьи Цинь были связаны общими интересами и судьбой. Почему же министр Мао, взлетевший на вершину власти благодаря заслугам Армии семьи Цинь, вдруг решил устроить смертельную ловушку?

Цин Мянью размышляла о причинах поступка Мао Цзяня точно так же, как некогда анализировала тактику вражеских войск.

Прежде всего — тайная связь с северными хусцами и устранение грозного полководца на границе?

Но Мао Цзянь уже дослужился до министра финансов. Он — чистокровный ханьский литератор, сдавшего столичный экзамен на высшую степень цзиньши, находящийся ныне в фаворе у самого императора. Какой у него мог быть резон предавать родину и служить иноземному режиму, чье влияние шло на убыль?

К тому же, если они и вправду вознамерились помочь северным хусцам, почему тогда просто не убили Цинь Фан?

Стало быть, не было ли это волей самого императора?

Цин Мянью была грамотна и знала немало историй из разных эпох о том, как убирают за ненадобностью верных псов, когда дичь перебита. Однако она быстро отбросила и эту догадку.

Ныне северные хусцы хоть и откочевали в дальние степи, но по-прежнему удерживали земли от Ляодуна до великих песков, отчаянно плодились, точили оружие и выжидали удобного часа

для удара на юг.

В северных пределах Великой Лю, помимо Армии семьи Цинь, сыновья императора Чэнь Чжана уже достигли совершеннолетия и правили как удельные князья, имея собственные наделы и войска.

Земли Армии семьи Цинь находились как раз посередине этой защитной линии из князей дома Чэнь.

Иными словами, сколь сильной и многочисленной ни была бы Армия семьи Цинь, ей было далеко до темпов, с которыми князья дома Чэнь брали под контроль приграничные рубежи.

Следовательно, как мог император Чэнь Лан, чьей заветной мечтой всей жизни было полное искоренение северных хусцев, внезапно отдать Мао Цзяню приказ о зачистке Армии семьи Цинь в ситуации, когда «дичь еще не перебита, а луки не вышли из повиновения»?

И еще: раз уж Цинь Фан на самом деле не переступила врата преисподней, то где именно Мао Цзянь ее прячет или кому передал?

Чего же он добивался?

Северные хусцы — те, на кого Мао Цзянь пытался свалить вину, или же его сообщники?

Черeda вопросов и логических умозаключений нарастала лавиной. Цин Мянью повернула голову, глядя на багрово-красное закатное небо летнего вечера.

Ей нужно было как можно скорее разыскать следы другого верного соратника Цинь Фан.

Завтра же. Завтра же под каким-нибудь предлогом надо выйти из дома.

Назавтра чуть свет матушка Лю отвела вторую барышню Цзинь Сю в женскую школу, после чего шустро принялась за дело: стала проверять прошлое Е Саньян и оформлять через маклера передачу контракта.

Юй Мин, бывший евнух из прежней династии, закончив подметать двор, пришел засвидетельствовать почтение Цин Мянью.

Нынче шел двадцать пятый год правления Синхэ, и Юй Мин приближался к тридцатилетию.

Телосложением он не был хилым, одежда и штаны не имели заплат, так что семья Цзинь в еде и одежде его поистине не обделяла.

Лишь опущенный взгляд да сутулые плечи делали его столь же покорным, какими Цин Мяннь привыкла видеть рабов на северных рубежах.

Соразмеряя слова, Цин Мяннь расспросила его о разном в непринужденной беседе, узнала немало о повседневных торговых делах семьи Цзинь и их отношениях с соседями, а также убедилась, что Юй Мин никогда не ездил с отцом и дочерью Цзинь на север. После этого она ласково велела ему идти охранять лавку.

Прихватив котомку, Цин Мяннь вышла из внутреннего двора и направилась в небольшую семейную мастерскую, примыкавшую сбоку к лавке.

Вот уже два поколения семья Цзинь, переселившаяся из Хучжоу в Сучжоу, занималась изготовлением украшений для богатых семей.

После того как Великая Лю перенесла столицу в Иньтяньфу, император Чэнь Лан издал указ, согласно которому все землевладельцы и богатые торговцы из областей Сучжоу, Сунцзян, Чанчжоу, Ханчжоу, Цзясин и Хучжоу обязаны были переселиться в столицу. Семья Цзинь также последовала за потоком эпохи и обосновалась в Иньтяньфу.

Потому мастерская семьи Цзинь, увиденная Цин Мяннь, оказалась хоть и размером с ладонь, но двое мастеров, трудившихся в тесноте, обладали отнюдь не грубыми навыками. Работая с тремя учениками, они ковали, плели скань, чеканили и золотили до тех пор, пока молочно-белые, сияющие жемчужины или ослепительно яркие драгоценные камни не оказывались бережно «усажены» в золотые и серебряные оправы.

<http://bllate.org/book/21831/2261316>